

суждено. 25 июля 1991 года на 97-м году жизни. Лазарь Моисеевич Каганович умер в результате обширного инфаркта. Старое больное сердце не выдержало огромной работы в прошлом, нелегкой, порой трагической судьбы в навсегда остановилось.

Сообщение поступило мне во время заседания, которое вел М. С. Горбачев. Я поднял трубку аппарата и услышал некоторые подробности его смерти. Мне казалось, что этот патриарх и соратник Сталина заслуживает того, чтобы доложить о факте Горбачеву. Я написал записку и положил перед Михаилом Сергеевичем. Он безразлично пробежал ее и никак не отреагировал. Ни о чем не спросил меня Горбачев и после заседания. Тогда я подошел к нему и сказал, что может быть печать даст информацию. Но Горбачев промолчал. Так и ушел из жизни человек, с именем которого были связаны многие стройки на транспорте, метрополитене, в нефтедобывающей отрасли и угледобыче. Он был жесток в наш жестокий век, добивался результатов, каких от него требовали. Моя беседа с ним не состоялась. Не нашел я ответа на многие вопросы и в вышедшей сравнительно недавно книге воспоминаний Кагановича. И это тем более жалко, что он унес с собой многие важные детали методов руководства страной той поры, свои отношения с руко-

**Л. М. Каганович, И. В. Сталин, П. П. Постышев и К. Е. Ворошилов
во время 3-й сессии ЦИК СССР 6-го созыва.
Москва, 1933 г.**

дителями партии, с которыми он работал, встречался, был дружен. Он не оставил свидетельств и руководства Московской партийной организацией, да и Украиной. Кадровая "заслуга" его была в том, что он двигал на свое горе Хрущева, который в конце концов и уничтожил его морально. Хотя в "заслугах" Никиты Сергеевича всегда был тот факт, что он не расстрелял ни Маленкова, ни Молотова, ни Кагановича, ни других.

Впрочем, все сказанное касается не только Кагановича. Каждое промедление с получением свидетельств минувшей жизни обедняет нашу историю. И получать информацию о прошлом важно не только из уст великих. Порой люди конкретного дела знают больше и помнят лучше. Нельзя не воспользоваться такой возможностью. Будущие поколения отблагодарят за правдивость суждения о нашей жизни, успехах и провалах, ошибках и удивительных достижениях человеческого гения.

Вот пример.

Я много слышал о Брежневе, и создавалось впечатление, будто он ловкий и пронырливый человек, малокомпетентный и недалекий. Похвалы в его адрес ожидать было трудно, особенно после кончины. Горбачев положил начало его развенчанию, а следом за ним пел многоголосый хор гибких людей. И совсем для меня было неожиданным, что Брежнева не только хорошо знает Каганович, но отзывается о нем как о деловом, целеустремленном и способном человеке. Я с удивлением прочитал книгу историка Г. А. Куманева "Рядом со Сталиным", где он в беседе с Кагановичем проясняет и этот вопрос. Хочу привести здесь строки из его книги, которую вряд ли многие видели и, боюсь, не увидят. Автор беседует с Кагановичем, вспоминая о боях за Новороссийск, своем знакомстве со многими военачальниками. И некоторые из них характеризуются прямо и откровенно. Каганович возражает против категоричных оценок.

Л. М. Каганович: Я Гречко в целом оценил положительно. Я написал Сталину письмо. Когда я уезжал, Сталин мне сказал: "Разберись в ситуации и сообщай мне, кто там тебе понравится". И я ему и сообщил, что есть тут командующий армией Гречко, талантливый молодой человек.

— Но, конечно, о Брежневе вы там не слышали и его не встречали?

— Нет, неверно. Я о Брежневе слышал. Брежнев был заместителем начальника Политуправления Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. С Брежневым я познакомился, когда мы в станице Георгиевской штаб разместили. Был еще Буденный — командующий. Все разбежались. Спас нас там кавалерийский корпус Кириченко. Замечательный корпус. Кириченко был хорошим генералом, почему-то его потом затерли в славе. Он так и умер генерал-лейтенантом. Кириченко задержал немцев, а они его штаб даже уже окружили. Он со штабом оборонялся и, отступая, собирал людей. Мы вызвали Емельянова — начальника Политотдела и Брежнева — заместителя его и сказали: "Тут много украинцев и коммунистов-украинцев Северо-Кавказского фронта. Соберите их всех на полянку возле станицы Георгиевской. Через час чтобы все были собраны, все, кто есть". Собрали. Всех коммунистов, были и беспартийные украинцы. Брежнев руководил этим делом. Выступил Буденный, выступил я перед ними. Сказали веское слово, что нужно восстановить фронт, станицу Георгиевскую не отдать противнику и другие важные объекты. Положение было тяжелое, самолеты врага проносились прямо над крышей домика, где я находился, где спал.

Мы восстановили фронт, первую линию. Много сделали для этого коммунисты. Брежнев там сыграл хорошую роль. Потом, когда он замещал начальника Политотдела (Емельянов куда-то уехал), я его вызывал к себе как член Военного Совета фронта. Диктовал он, писал воззвания, приказы даже. Занимал довольно активную позицию, и я его высоко оценил там. Брежнев был довольно боевой полковник, активный, не такой, как когда секретарем стал. Не был вялым. Я написал о нем Сталину. Брежнев потом прислал мне письмо, когда я уже вернулся в Москву и опять работал в НКПС. Мол, вот командующий армией Леселидзе, политотдел, внимательно относятся к людям, руководствуемся Вашими указаниями, Вашими советами и проч. и проч. Письмо это у меня сохранилось даже.

Так что я Брежнева ценил. И если бы он не был Генеральным секретарем ЦК, а просто рядовым работником, он был бы хорошим работником. Он был бы на месте. Брежнев мог быть и секретарем ЦК, и начальником Политуправления. Он разумный, толковый, спокойный, решительный человек был и довольно активный. Я о нем был хорошего мнения. Потом, когда я был первым секретарем ЦК Компартии Украины в 1947 г., мы Брежнева поставили первым секретарем Запорожского обкома, потом он стал первым секретарем Днепропетровского обкома партии, а потом уже пошел выше и выше.

— Так судьба вознесла его? Или дело случая?

— Видите ли, теория личности — это большой, серьезный вопрос. Бывают и случайности при выдвижении личности. Но, как известно, случайность есть тоже часть закономерности. Но бывает так, что случайно выдвинутый человек под влиянием своего долга подтягивается, учится у всех окружающих и дотягивается до потребного минимума в том положении, в котором он оказывается. Вот как бывает.